

Вырезка из газеты

КАЛИНИНГРАДСКАЯ
ПРАВДА

г. Калининград

12 МАР 1986

ВСТРЕЧИ ДЛЯ ВАС

«ЦЕНЮ ГОТОВНОСТЬ К «САМОСОЖЖЕНИЮ»...

Во время так называемых малых гастролей в Калининграде Московского драматического театра им. А. С. Пушкина наши зрители встретились в спектакле «Месяц Амилькар платит» с заслуженным артистом РСФСР, лауреатом Государственной премии СССР Юрием Горобцом, популярным актером театра и кино. Предлагаем вниманию читателей интервью с ним, которое вела Светлана Кармазина.

— Юрий Васильевич, вами сыграно немало ролей на сцене и в кино. Многие зрители, думается, помнят и телевизионный сериал «День за днем», и многосерийный телефильм «Хождение по мукам» с вашим участием, и совсем недавний фильм белорусских кинематографистов «Люди на болоте»... Какой сценарный и драматургический материал, какой из персонажей оказался ближе всего вам?

— Есть у белорусов такой герой — Минай Филиппович Шмырев, один из руководителей партизанского движения, батька Минай, как называли его. В 1965 году на студии «Беларусьфильм» был поставлен о нем фильм «Батька», в котором я сыграл главную роль. Вот этот человек стал для меня особенно дорог. Надо было с ним «срастись», впитать в себя его великую любовь к Родине. Внешне я на батьку Минай совсем не похож. Но на съемках замечал особое к себе отношение, видел глаза, обращенные ко мне именно как к батьке Минаю. Такое трогает до глубины души, не забывается.

В театре для меня самой главной ролью стала роль Давыдова из «Поднятой целины» в постановке Б. Равенских. Меня поражала та высота идеала, которая была его сутью... Поражала, восхищала, требовала так прожить на сцене эту судьбу, чтобы откликнулся и понял ее зал.

— А как вы пришли в актерскую профессию?

— Знаете, я не собирался быть актером. Хотел летать, занимался в аэроклубе. Правда, захаживал с приятелем иногда в клуб «Шахтер» у нас в Щекино Тульской области. Там был драматический коллектив. Об актерской карьере я и не помышлял — у меня был дефект речи, заикался, я страшно. Но сидел смотрел, интересно было. А однажды меня попросили подменить забывшего участника коллектива, выйти на сцену, сказать одну реплику. Я отнекивался, потом согласился. И что же — произнес свою реплику, как по маслу. Сам удивился.

Позже, в 1951 году, был уже участником конкурса

цтецов в Москве. Тогда-то меня и убедили, что мне надо поступать в ГИТИС. После учебы — театры Ярославля, Одессы. Одиннадцать лет проработал в Московском театре им. А. С. Пушкина с режиссером В. И. Равенских, потом десять лет в театре им. Маяковского у А. А. Гончарова, затем снова вернулся в Пушкинский...

— Что вы больше всего цените в актере?

— Трудлюбие, умение полностью выкладываться на каждом спектакле, в каждом фильме, даже в эпизодической роли. Ненавижу в актерах «актерствование», позу, чтобы за три версты было видно — идет актер. Мне приходилось работать с Анатолием Палановым, Николаем Гриценко, Евгением Евстигнеевым — вот примеры ответственного отношения к профессии и необыкновенной простоты.

— А в режиссере?

— Конечно же, профессионализм, но в не меньшей степени — умение слушать и видеть людей. Режиссеры меняются часто, и, как правило, каждый приходит со своей программой, ничего и никого не видя перед собой. А где же наши актерские программы? Наши мысли, наши мечты? Или мы только вспомогательный материал?

— Сегодня много говорят о кризисном состоянии театра. Согласны ли вы с такой постановкой вопроса? Есть ли, по-вашему, реальные возможности изменить ситуацию, вернуть в театральные залы зрителей?

— Это очень сложный вопрос. Если коротко, да, положение тревожно. Убежден, однако, что если в театр придет новаторская, умная режиссура, если актеры на сцене будут «сжигать» себя не щадя, если театру будет что сказать, то он окажется нужен зрителю. Только органичность — этого сегодня мало. В сумме полной отдачи всех, выходящих на сцену, единственно ими — и может родиться страстный, необходимый каждому спектакль.

— А какие постановки, фильмы, устремления наших режиссеров представляются вам наиболее важными в развитии современного театрального и киноискусства?

— Мне бы легче было сказать, чего я не принимаю... Сейчас возродится в культ многое из «положенного на полку» и долгое время не имевшего доступ к зрителю. Но, согласитесь, далеко не все эти произведения можно отнести к художественно полноценным. Сегодняшнее же кино, да и театр, пожалуй, излишне заняты внутренними реконструкциями. Куда живее, смелее работают сейчас кинодокументалисты. Через них идет сейчас, по-моему, главная реабилитация истины. Жизнь дает материал колоссальный, а художественное кино от нее робко отстает. Поэтому каждая встреча с граждански смелым материалом — это всегда «дорогого стоит».

— У вас в последнее время были такие встречи?

— Сейчас совместно с польскими кинематографистами снят фильм о событиях 1944 года в Полесье, о том, как наши партизанские отряды встречаются с польской Армией Крайовой. Он будет называться «Переправа». В нем, по-моему, есть попытка по-новому взглянуть на некоторые события, правдивее, что ли, объективнее.

Работал в этом материале с удовольствием именно потому, что чувствовал себя как актер причастным к этому процессу восстановления истины.

— А каковы ваши ближайшие творческие планы?

— Предполагается работа в двухсерийном телефильме, который будет снимать М. Козаков по одной из мало известных пьес Л. Н. Толстого. И у режиссера В. Храмова — в фильме «Визит старой дамы» по Ф. Дюрренматту. Ну а летом белорусский режиссер В. Туров зовет на съемки нового фильма «Черная тропа». В театре же мечтаю сыграть Сократа. Но сыграю ли?

— Как вы считаете, удалась ли ваша актерская судьба?

— И да, и нет. Да — потому что люблю дело, которым занимаюсь, верю в его значимость и нужность. Нет — потому что постоянно чувствую недовольство собой, мало, слишком мало пока сделано, а хочется сказать еще так много...

— Большое спасибо за беседу, и творческих удач.

— Спасибо.